

Ситуация очень напоминала момент их первой встречи. Ощущая своего рода дежавю, Хёнджун снял обувь. Он не поздоровался. Хёнтхэ, не глядя на Хёнджуна, стоя на месте, произнес предельно четко:

— Раздевайся.

Неужели он действительно сказал "раздевайся"? Хёнджун не верил своим ушам. Нужно немедленно позвонить матери и сказать, что этот человек — мусор, и что лучше не выходить за него замуж.

Сняв обувь и войдя в прихожую, руки Хёнджуна машинально потянулись к пуговицам рубашки. Хёнджун снял одежду и даже аккуратно сложил её в сторонку. От того, что тело двигалось само по себе, не давая времени подумать, по спине пробежал холодок. Он не хотел слушаться, но послушно выполнил приказ.

— Правильно. Хорошо.

Убедившись, что тело Хёнджуна хорошо помнит удовольствие и приказы, Хёнтхэ тихо одобрил и наконец повернул взгляд на него. Как бы его сейчас приготовить? Он медленно окинул взглядом сверху вниз тело Хёнджуна, неподвижно стоящего в прихожей. Сейчас Хёнджун наверняка чувствовал унижение от одного только такого взгляда.

— Хёнджун, почему ты так поступил?

Ни с того ни с сего Хёнтхэ внезапно задал вопрос. Лицо Хёнджуна покраснело. Он прекрасно понимал, какой именно поступок подразумевался под этим "почему".

—

— Хёнджун, ты хотел, чтобы тебя пронзили?

— ...Нет.

Услышав откровенные слова, Хёнджун вздрогнул всем телом и ответил отрицательно. Перед глазами всё плыло. Он почти хотел поверить, что у него настолько сильное извращенное желание, что ему даже снятся сны о сексуальном унижении от нового отца. Голос Хёнтхэ оставался таким же мягким и спокойным.

— Или, может, у тебя привычка ковырять задний проход блок-флейтой?

Услышав точное упоминание блок-флейты, Хёнджун ещё сильнее опустил голову. Он смотрел только в пол. Каждый узор на полу отчетливо виднелся. Казалось, время остановилось.

— Если мать узнает, она будет разочарована.

—

— Как бы она ни была безразлична к сыну. Что она подумает, узнав, что её сын имеет такое хобби, как проститутка, включает порно и ковыряет себя флейтой?

—

— Нет ответа. Хёнджун, иди сюда, давай сядем и поговорим?

Заставив его раздеться, что за разговор он собирался вести – было непонятно. Судя по вчерашней ситуации, можно было легко предположить, что он попытается вступить в сексуальный контакт. От одной мысли становилось жутко.

И в то же время периферийные нервы как будто обжигало тысячами иголок.

Хёнтхэ протянул руку и начал массировать бедро сидящего рядом Хёнджуна. Его пальцы были длинными и толстыми, с силой. Хёнджун должен был чувствовать отвращение, ужас, но вместо этого он постоянно вспоминал вчерашний сон. Рука, которая сжимала его тело во сне, была точно такой формы.

— У меня совсем нет намерения тебя наказывать или допрашивать. Каждый может свободно иметь свои сексуальные предпочтения. Просто... я спрашиваю о том, что ты делал это, не соблюдая осторожности, не запирая дверь, когда дома были члены семьи.

— ...Чего... вы хотите?

В горле будто застрял комок. Когда Хёнджун наконец выдавил из себя вопрос, Хёнтхэ, словно перейдя к сути, сказал:

— Ты скоро станешь моим сыном. Я не хочу, чтобы мой сын чувствовал беспокойство. Может, скажешь правду? Хёнджун, ты весь день только и думал о члене. Думал о том, как бы тебя трахнули, как бы ты сосал, а лучше всего – большой член.

— ...Это...

Он не смог возразить и только замялся. Даже сейчас эти мысли сводили с ума.

Когда Хёнджун не ответил, Хёнтхэ поднял руку, мягко массируя его плечо и поглаживая щеку, продолжил:

— Папочка хочет дать тебе шанс. Наш Хёнджун хочет члена, но это непросто. Каков был на вкус папин член, который ты вчера попробовал?

— Э... такие вещи...

— Можешь говорить правду. Это секрет между мужчинами. Конечно, я не скажу матери.

Хёнтхэ говорил успокаивающе. Хёнджун не заметил, что на кончиках пальцев Хёнтхэ был нанесен минимальный слой гипнотического аромата. Вероятно, он неосознанно стал более импульсивным и легко поддающимся убеждению. Под влиянием соблазнительных слов Хёнтхэ, Хёнджун в конце концов признался:

— Было... вкусно.

— Наконец-то ты стал честным. Хёнджун, как насчет того, чтобы на этот раз попробовать папин член нижним ртом?

Это звучало абсурдно. Хёнджун насильно пытался убедить себя, что должен так это воспринимать. Но голос Хёнтхэ звучал слишком соблазнительно. В Хёнджуне шла яростная борьба между разумом и приученным альтер-эго. Хёнтхэ убрал руки с тела Хёнджуна, достал свой член и показал его. Даже не возбужденный, он был крупным – точно такой, как во сне.

— Если Хёнджун хочет попробовать, я могу разрешить сколько угодно.

— А... ах...

Получив визуальный стимул, стало еще труднее сопротивляться. В конце концов, Хёнджун не выдержал, наклонил голову и взял член в рот. Издавая чавкающие звуки, он жадно лизал и сосал. С полным ртом, он шевелил языком вокруг пениса, активно двигаясь так, что щеки касались жестких лобковых волос. Он сам использовал горло, совершая минет.

Убедившись, что план покорения близок к завершению, Хёнтхэ нежно погладил волосы своего нового сына. Хотя движения языком были наполовину бессознательными, минет был высококлассным, как его и обучили.

— Хорошо... да, вот так, надо было сразу быть честным. Хёнджун, хватит сосать.

Член, вышедший изо рта, был уже больше, чем когда входил. Взгляд Хёнджуна, даже без гипнотического аромата, был мутным, взглядом ищущим наслаждения. Хёнтхэ приказал Хёнджуну:

— Хёнджун, раздвинь ноги.

Разум всё ещё сопротивлялся. После колебаний Хёнджун сделал, как было велено. Покрасневший и опухший от ночной мастурбации анус плотно закрытый, показался. Видимо, уже возбужденный, он выделял прозрачную жидкость, стекающую между ягодицами. Анус, приученный слаймом и прошедший небольшую трансформацию, был достаточно влажным, чтобы сразу войти.

— Ну... перед тем, как войти, нужно осмотреть. Вставь пальцы в отверстие и сделай V. Покажи мне дырочку.

Хёнджун снова колебался, но в итоге выполнил приказ. Увидев красную внутренность, Хёнтхэ отдал последний контрольный приказ:

— Молодец. Теперь... скажи: "Вставьте мне член, дорогой, трахните меня до беспамятства."

При слове "дорогой" глаза Хёнджуна затуманились. Это было слово, которое он слышал, просыпаясь ото сна. В тот момент, когда он услышал это слово, словно что-то оборвалось в его мозгу, и все мысли смешались в хаотичный клубок. Он не понимал, что это требование сильно отличается от всех предыдущих. При слове "дорогой" его тело задрожало. Ощущение было совсем не таким, как во сне.

— До... дорогой. Дорогой...

Хёнджун несколько раз повторил слово "дорогой", потом сглотнул. Внезапно анус начал сильно зудеть. Это был не просто физический зуд. Это было что-то более существенное, как непреодолимая жажда желания. Если раньше он смутно представлял, как его покоряют большим членом, то теперь его тело само этого захотело.

Он хотел секса. Хотел, чтобы его пронзили. Хотел быть покрытым спермой, испорченным, принимающим семя.

Хёнджун запинаясь, но четко произнося каждый слог, сказал:

— Вс... вставьте мне... член. Дорогой. Трахните меня до беспамятства.

После того, как граница была пересечена, всё ускорило. Дрессированное подсознание, спавшее глубоко внутри, мгновенно вышло наружу. Хёнджун, сам того не осознавая, молил Хёнтхэ:

— До... дорогой, скорее войдите в меня, семя, дайте мне семя... я хочу забеременеть.

— Как хорошо видеть, когда ты честен.

Хёнтхэ похвалил мягким голосом, как будто Хёнджун хорошо справился. Хотя он еще не достиг совершенного уровня парализации разума, это был неплохой результат. Одно было ясно: не за горами время, когда он сможет полностью контролировать Хёнджуна без помощи гипнотического аромата.

Он заставил его лечь на диван и приподнять ягодицы. Он потер своим членом, бесчисленное количество раз проникавшим в Хёнджуна, между его ягодицами. Одной рукой держа свой член, Хёнтхэ надавил и вошел в отверстие. Анус слишком легко позволил вторжение. Чувствовалось, как не тонкая блок-флейта, а настоящий толстый член раздвигает внутренности. Среди бела дня, посреди гостиной, он занимался сексом с новым отцом.

Невероятно. Не хотелось признавать. И в то же время было слишком хорошо. Хёнджун глубоко дышал, пытаясь успокоиться. Что-то происходило с его головой. Казалось, что если он еще немного поддастся удовольствию, то начнет говорить странные вещи. Хёнджун крепко прикусил губы, сдерживая стоны, пока Хёнтхэ двигался. С каждым шлепком проникновения в комнате раздавались сдавленные стоны.

— Ух, ммм...! А, ух...

Хёнтхэ понял, что когда его рука с гипнотическим ароматом отделилась, Хёнджун отчаянно сопротивлялся. С мыслью "всё равно ничего не сможешь сделать, когда в тебя вошли", он еще сильнее вбивался внутрь. Каждый раз, когда он попадал то в глубокую точку внутренних стенок, то в простату, стоны Хёнджуна становились громче. Соски прижимались и терлись о диван. Это тоже ощущалось как стимуляция. Налитые соски при малейшем нажатии выделяли капельки молока. Хёнджун, не осознавая этих изменений в своем теле, был занят тем, что его трахал новый отец.

— Хёнджун, тебе хорошо? Хм, ты не знаешь, что делать от удовольствия, да?

— Аах...! А, ух, ммм, а! Нет...! Ах...!

Он изо всех сил мотал головой, пытаясь отрицать удовольствие. Чем больше он сопротивлялся, тем настойчивее Хёнтхэ проникал. Он сосредоточился только на местах, которые приносили Хёнджуну удовольствие, то резко вонзаясь, то медленно потирая головкой члена. Когда легкая и интенсивная стимуляция чередовались, Хёнджун не мог ничего поделать и дрожал всем телом, издавая прерывистые звуки.

— Ха, Хёнджун, ты должен ответить.

Ответ был predetermined. Хёнтхэ был намерен мучить Хёнджуна, пока не услышит желаемый ответ. Хёнтхэ взял в руку истекающий прозрачной жидкостью член Хёнджуна, зажал отверстие уретры и снова спросил. Оргазмы продолжали накатывать, но выход был заблокирован, и Хёнджун тряс головой от такой боли, какую никогда раньше не испытывал. Конечно, Хёнджун просто не помнил, что в состоянии гипноза его тело бесчисленное количество раз тренировали не кончать. Дрожа от боли, Хёнджун начал извиваться и кричать то, что хотел услышать

Хөнтхэ:

— Мм...! Х-хорошо...! Хорошо!

Но давление на член усилилось. Хөнтхэ задал еще один вопрос:

— Тогда я могу кончить внутрь, правда?

<http://bllate.org/book/14119/1241729>